

Вадим Журавлев

«Но исследователь может задать и иные вопросы...»:
Размышления на полях книги Б. И. Колоницкого
«Товарищ Керенский»

"But a Researcher Can Ask Other Questions As Well...":

Reflections on the Margins of B. I. Kolonitskii's Book "Comrade Kerensky"

Журавлев Вадим Викторович

Институт истории СО РАН,

Россия, Новосибирск

vvzh@mail.ru

ORCID: 0000-0003-0007-2680

Zhuravlev Vadim V.

Institute of History, Siberian Branch

of the Russian Academy of Sciences,

Russia, Novosibirsk

vvzh@mail.ru

ORCID: 0000-0003-0007-2680

Аннотация. Статья анализирует методологический вклад монографии Б. И. Колоницкого «"Товарищ Керенский": антимонархическая революция и формирование культа "вождя народа"», акцентируя ее новаторский подход к изучению репрезентации и легитимации власти в условиях революционного кризиса. Цель работы — показать, как Б. И. Колоницкий, сочетая анализ монархической традиции и революционной символики, реконструирует динамику политического культа как системы, где языковые клише, визуальные образы и ритуальные практики становятся инструментами конструирования авторитета вождя. Ключевой методологический прорыв рассматриваемого исследования заключается в синтезе классических концепций, изучавших культурные коды эпохи и символические репрезентации власти, и в развитии предложенного ими инструментария. Этот подход смещает фокус с процесса создания образов на их прагматику — использование в политической борьбе, а также вводит многомерную контекстуализацию, связывающую культ вождя с общей динамикой революции. Источниковая база исследования, включающая восемь групп материалов, анализируется через выявление их роли в формировании коллективных эмоций. Выводы статьи подчеркивают, что труд Колоницкого задает новый стандарт в изучении рево-

Abstract. The article focuses on the methodological contribution of B. I. Kolonitskii monograph "'Comrade Kerensky': The Anti-Monarchist Revolution and Formation of the 'Leader of the People' Cult", emphasizing its innovative approach to the study of representation and legitimation of power in the context of revolutionary crisis. The aim of the paper is to show how B. I. Kolonitskii, combining the analysis of monarchical tradition and revolutionary symbolism, reconstructs the dynamics of the political cult as a system where linguistic clichés, visual images, and ritual practices become tools for building the authority. The key methodological breakthrough of the research is the synthesis of classic concepts that studied the cultural codes of the era and symbolic representations of power, and the development of their toolkit. This approach shifts the focus from the process of creating images to their pragmatics — the use in political struggle, and also introduces multidimensional contextualization, linking the cult to the overall revolution dynamics. The source base of the study, which includes eight groups of materials, is analyzed through identifying their role in shaping collective emotions. The conclusions emphasize that the Kolonitskii's work sets a new standard in the study of revolutions, combining microanalysis of specific cases of power representations with the macro-political context. The author demonstrates how the

люций, объединяя микроанализ конкретных случаев репрезентаций власти с макрополитическим контекстом. Автор демонстрирует, как «новая имагология», сочетающая деконструкцию образов вождя с анализом ритуалов, раскрывает механизмы легитимации, где театральность политики становится ключом к пониманию сакрализации власти. Исследование вносит вклад в дискуссию о природе политического языка, показывая, как революция 1917 г., отвергая монархические формы, воспроизводила их архетипы в гибридных системах. Ценность монографии заключается в представлении инструментария, пригодного для изучения кризисных времен, когда эмоции и символы формируют коллективные иллюзии о «спасителе».

Ключевые слова. Политический культ, вождь, герой, легитимация, легитимность, репрезентация, политический театр, новая имагология, методология.

Для цитирования. Журавлев В. В. «Но исследователь может задать и иные вопросы...»: Размышления на полях книги Б. И. Колоницкого «Товарищ Керенский» // Культурная история. 2025. № 1. С. 161–185.

DOI: 10.33280/3034-3216.2025.84.85.006

"new imagology", which includes the deconstruction of leader images and the analysis of rituals, reveals the mechanisms of legitimation, where the theatricality of politics becomes the key to understanding the sacralization of power. The study contributes to the debate on the nature of political language by showing how the 1917 revolution, while rejecting monarchical forms, reproduced their archetypes in hybrid systems. The particular value of the monograph lies in presenting a toolkit suitable for studying times of crisis, when emotions and symbols form collective illusions about a "savior".

Keywords. Political cult, chief, hero, legitimation, legitimacy, representation, political theater, new imagology, methodology.

For Citation. Zhuravlev V. V. "But a Researcher Can Ask Other Questions As Well...": Reflections on the Margins of B. I. Kolonitskii's Book "Comrade Kerensky", in: *Cultural History*. 2025. No. 1. P. 161–185.

DOI: 10.33280/3034-3216.2025.84.85.006

В 2023 г. в издательстве «Новое литературное обозрение» увидело свет третье издание монографического исследования Б. И. Колоницкого «“Товарищ Керенский”: антимонархическая революция и формирование культа “вождя народа” (март — июнь 1917 года)»¹. Эта работа продолжает линию предыдущих масштабных исследований автора. В ее основе — бинокулярный синтез исследовательских оптик, примененных в двух предшествующих публикациях. Первая была посвящена анализу политической символики Февральской революции², вторая — исследованию образов Николая II и его семьи в годы Первой мировой войны³. Сплав этих подходов позволил автору рассмотреть культ Керенского в двойной перспективе, с одной стороны — через призму как бы ушедшей в прошлое монархической традиции, с другой — через актуальный для 1917 г. революционный символический контекст. Успех монографии неоспорим: многочисленные рецензии⁴, давно превысившее порог в сотню число

1 Колоницкий Б. И. «Товарищ Керенский»: антимонархическая революция и формирование культа «вождя народа» (март — июнь 1917 года). М., 2017 [изд-е 2-е — М., 2021; изд-е 3-е — М., 2023]. Англ. изд.: Kolonitskii B. Comrade Kerensky: The Revolution against the Monarchy and the Formation of the Cult of "The Leader of the People" (March — June 1917). Cambridge; Medford, MA, 2021.

2 Колоницкий Б. И. Символы власти и борьба за власть: К изучению политической культуры российской революции 1917 г. СПб. 2001 [изд-е 2-е — СПб., 2012].

3 Колоницкий Б. И. «Трагическая эротика»: образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М., 2010.

4 Савино Дж. Рец. на: Б. И. Колоницкий, «Товарищ Керенский»: Антимонархическая революция и формирование культа «вождя народа» (март — июнь 1917 года). Новое литературное обозрение, М., 2017, 530 с. // Avtobiografija. Journal on Life Writing and the Representation of the Self in Russian Culture. 2017. No. 6. P. 295–299; Беспалов С., Александров О. Образы российской власти эпохи войн и революций в трудах Б. И. Колоницкого (Сводный реферат) // Революции 1917 года в России: современная историография: Реф. сб., М., 2017. С. 119–142; Аксенов В. Б. Рец. на: Б. И. Колоницкий. «Товарищ Керенский»: антимонархическая революция и формирование культа «вождя народа» (март — июнь 1917). М., 2017.

цитирований в РИНЦ, включение в учебные программы вузов, присуждение Макарьевской премии, наконец далеко не каждое отечественное научное сочинение публикуется трижды. Перед лицом такой явной исследовательской удачи законно и небесполезно задать вопросы в жанре *How To*. Как именно «сделана» эта книга? Какие «ингредиенты» — источниковые стратегии, мыслительные процедуры, концептуальные рамки — позволили ей занять особое место в изучении революции?

Начнем с реконструкции самоописания этого исследования.

Объем монографии (более 32 печатных листов) распределен между предисловием, введением, четырьмя тематическими главами и заключением. Вступительный текст «От автора» содержит краткое, но чрезвычайно ценное рефлексивное описание предпосылок постановки научной проблемы.

С первых же строк Б. И. Колоницкий дистанцируется от биографического жанра, акцентируя «филологическую» направленность своего первоначального интереса: «Меня интересовало, что писали и говорили о Керенском <...> во время революции и какие слова при этом использовались». Этот подход неожиданно привел к парадоксальным наблюдениям, которые автор описывает через эмоциональную формулу «я был поражен». По сути, это диагностика исходных для будущего исследования противоречий. Первый парадокс — при существенном различии режимов принуждения имело место разительное сходство риторики 1917 г. с языком культа 1930-х гг. Вторым парадоксом стала фиксация «скачкообразного» характера перехода от всеобщего восхищения Керенским к разочарованию им. Эти наблюдения нашли

520 с. ил. // Российская история. 2018. № 1. С. 195–202; Smith S. A. «Tovarishch Kerenskii»: Antimonarkhicheskaia revoliutsiia i formirovanie kul'ta «vozhdia naroda», mart — i iun' 1917 goda, by Boris Kolonitskii // Slavic Review. Spring 2018. Vol. 77. No. 1. P. 205–207; Меньковский В. И. Символ революции: «образ Керенского» в исследованиях Б. И. Колоницкого // Журнал Белорусского государственного университета. История. 2018. № 3. С. 102–109; Hosking G. «Tovarishch Kerenskii»: Antimonarkhicheskaia revoliutsiia i formirovanie kul'ta «vozhdia naroda» mart — i iun' 1917 goda, by Boris Kolonitskii. Historia Rossica. Moscow, 2017. 511 pp. Illustrations. Notes. Index. // The Slavonic and East European Review. Vol. 96. No. 4 (October 2018). P. 788–789.

параллели в современности: автор вспоминает, как «московская дама» эпохи перестройки со вздохом признавалась: «Я так любила Горбачева». Осознание подобия процессов 1917-го и конца XX в. закрепило исследовательский интерес, превращая частные случаи в универсальный механизм: общество делегирует лидеру сакральный статус в кризис, а затем, разочаровавшись, низвергает вчерашнего кумира.

От «экспозиции» исследования Б. И. Колоницкий переходит к «завязке», мастерски ставя научную проблему в насыщенном и интересном введении.

Как нередко делают, он начинает с почерпнутого из мемуаров локального высказывания рядового участника событий, которое тем не менее ярко представляет еще нерасчлененное целое исторической загадки: «Да, нам нужна республика, но во главе ее должен стоять хороший царь»⁵.

Колоницкий интерпретирует этот оксюморон двояким образом. Сначала он рассматривает его как целостный феномен, ставя в ряд других подобных свидетельств и выдвигая суждение касательно непосредственных мотивов появления таких противоречивых высказываний (именно этот, «внешний», облик проблемы выражен, кстати, в подзаголовке книги). Затем автор решительно переходит к «внутренним», «глубинным» причинам, обращая таким образом внимание на подлинное содержание источника. Он видит в данном и других подобных высказываниях симптом социально-политической дислексии вчерашних подданных Российской империи, неспособных выразить свои идеалы старым языком⁶. Эта оптика приводит к фундаментальному вопросу, очерчивающему проблемное поле исследования: как революция создавала новый политический язык?

Слова, ритуалы и эмоции становятся кирпичами, из которых строилась новая реальность. Революция требовала не только новых терминов для описания власти, но и ритуалов, заменявших

5 В конечном счете первоисточником такой постановки вопроса является требование Марка Блока относиться к содержащим противоречие текстам «как можно более внимательно», в частности потому, что они «неизбежно отвечают особенностям коллективного сознания» и «проливают свет на вещи чрезвычайно глубокие». См.: Блок М. Короли-чудотворцы: Очерк представлений о сверхъестественном характере королевской власти, распространенных преимущественно во Франции и в Англии. М., 1998. С. 81.

6 Невольно вспоминаются написанные еще в 1914–1915 гг. строки В. В. Маяковского: «улица корчится безъязыкая — ей нечем кричать и разговаривать».

монархические церемонии, а также конструирования предписываемых эмоций — от восторга до разочарования. На «прагматическом» уровне обращается внимание на вопросы об обеспечении (1) легитимности власти, (2) сакральности власти, (3) именовании власти (все это вкупе с границами «сниженного» ее описания). Смысловым центром политической борьбы выступало стремление захватить исключительное право на создание этого символического порядка. Такая проблематика, как подчеркивает автор, имеет «непосредственное отношение к узловым проблемам изучения революций».

Переходя к теоретическим основаниям, Колоницкий вводит важную и ценную дефиницию, связывающую «старую» и «новую» исследовательские оптики: «Важнейший вопрос любой революции — это вопрос о легитимации насилия», и затем апеллирует к учению М. Вебера о типах легитимности, делая акцент на ее харизматической форме. Однако вместо простого применения классической теории он формулирует три исследовательских императива: «следует всесторонне изучать авторитет лидеров, вождей, обладателей харизмы»; «историка должны интересовать поступки и слова людей, разными способами творящих авторитет вождей»; «изучение методов и тактик легитимации лидеров, анализ сопутствующих политических конфликтов представляют важнейшую задачу». Эти тезисы становятся мостом между классической социологией и тем направлением исследования, которое реализовано в данной книге. Вводя термин «культ»⁷, автор определяет предмет исследования как «“культ Керенского” — тактики укрепления и ниспровержения его авторитета, культурные формы репрезентации этого политика и их восприятие». Конкретно имеются в виду «тексты», «визуальные образы», «символические жесты» и «ритуалы», «с помощью которых создавались ... образы вождей». Под «образами» понимаются «обладающие некоторой семантической общностью комплексы характеристик». Важно, что культ рассматривается не как статичный и изолированный феномен, а как процесс, встроенный в «политическую культуру революции»⁸.

7 Понятие «культ» не является изначально присущим политической истории — оно было перенесено в нее из политического языка XX в., куда в свою очередь попало через посредничество К. Маркса из религиозной полемики и религиозно-ведческих штудий.

8 Как «изучение политической культуры общества в ту или иную эпоху» ныне определяют предметное поле «политической исторической антропологии» см.: Кром М. М. Историческая антропология. СПб., 2010. С. 129.

Методологическая рамка работы формируется с опорой на синтез подходов Г. Л. Соболева и Р. С. Уортмана, чьи концепции взаимодополняют анализ культа вождя. Соболев, в рубежной работе «Революционное сознание рабочих и солдат Петрограда в 1917 г.»⁹, переосмыслил роль политического в массовой культуре. Его анализ продемонстрировал, что изучение революционной власти невозможно без обращения к языку и культурным кодам эпохи, без выхода за рамки социально-экономической интерпретации. Уортман, автор «Сценариев власти»¹⁰ и, по словам И. В. Герасимова, отец-основатель целого «уортмановского поворота»¹¹, предложил методологию изучения репрезентации власти через ритуалы и символы. Однако его фокус на императорской эпохе требовал приспособления подхода к революционному контексту. Дополнения подхода Уортмана заключаются в нескольких принципиальных модификациях. Колоницкий расширяет фокус, рассматривая культ Керенского в сопоставлении с репрезентациями других вождей той поры. Следующим видоизменением уортмановского подхода названо дополнение «реконструкции истории создания “образа” ... историей его использования», а также изучение не только «позитивных», но и «негативных» образов вождя. Он смещает акцент с создания символов на их использование различными группами, а также вводит «многомерную контекстуализацию», связывающую культ с общей динамикой революции. Эти новации позволяют преодолеть ограничения классической имагологии, превратив анализ образов в инструмент изучения политических процессов.

Раздел об источниковой базе занимает пять с половиной страниц и теснейшим образом связан с методологией исследования. Автор демонстрирует виртуозное владение разнородными материалами: от официальных постановлений до солдатских писем, от карикатур до театральных постановок. Исследование культа Керенского опирается на восемь групп источников, каждая из кото-

9 Соболев Г. Л. Революционное сознание рабочих и солдат Петрограда в 1917 г. Период двоевластия / отв. ред. С. Н. Валк. Л., 1973.

10 Wortman R. S. Scenarios of Power. Myth and Ceremony in Russian Monarchy, 1995–2000. Vol. 1: From Peter the Great to the Death of Nicholas I. XVII; Vol. 2: From Alexander II to the Abdication of Nicholas II; рус. перевод: Уортман Р. С. Сценарии власти: мифы и церемонии русской монархии: в 2 т. М., 2004.

11 «Как сделана история» (Обсуждение книги Р. Уортмана «Сценарии власти. Мифы и церемонии российской монархии», Т. 1, М., 2002.) // Новое литературное обозрение. 2002. № 56 (4). С. 42–66.

рых раскрывает уникальные аспекты формирования и восприятия его авторитета. Тексты Керенского — речи и приказы — демонстрируют риторические тактики легитимации, хотя их вариативность в разных публикациях зачастую осложняет реконструкцию «подлинного» их содержания. Пропагандистские материалы (листовки, брошюры, статьи) требуют критического подхода: знакомые термины, например «демократия» или «государство», наполнялись в 1917 г. смыслами, далекими от современных трактовок. Резолюции, петиции, коллективные письма, несмотря на шаблонность (или благодаря ей), отражают «язык революции» — клише, которые политические активисты использовали для конструирования лояльности, формируя цепную реакцию подражания. Пресса с ее беспрецедентным разнообразием фиксирует весь спектр политических позиций, включая косвенные свидетельства — аплодисменты на митингах или возгласы недоверия. Дневники и переписка участников событий, несмотря на перекося в сторону образованных слоев, раскрывают личные реакции на культ, тогда как обзоры военных цензоров дают доступ к «голосам снизу». Рапорты командиров, комиссаров и членов комитетов позволяют реконструировать настроения солдатской массы, часто неграмотной, но активно вовлеченной в политический процесс. Воспоминания, хотя и созданные *post factum*, важны как часть интерпретативной традиции: мемуары смешивают личные впечатления с аналитикой, фиксируя процесс формирования мифологии революции. Визуальные материалы (плакаты, карикатуры, значки) служат индикатором «спроса» на образ вождя: массовое тиражирование портретов Керенского, их описание в прессе и частных письмах фиксируют переход от сакрализации к иронии, отражая динамику общественных настроений. Каждая группа источников, обладая ограничениями (тенденциозность, фрагментарность, репрезентативные перекося), в совокупности позволяет реконструировать не только механизмы создания культа, но и его взаимодействие с культурным фоном эпохи, где ритуал и слово становились оружием в борьбе за власть.

Источниковедческий этюд, построенный вокруг высказывания известного исследователя В. П. Федюка по поводу информационного потенциала приветственных посланий и резолюций, отправленных незначительными адресантами, является настоящим «маленьким шедевром» контрпозитивистской критики. Колоницкий вступает в полемику с тезисом Федюка, видящего в массовых

приветственных резолюциях, адресованных Керенскому, лишь абсурдное нарушение «нормы». Колоницкий заявляет, что «исследователь может задать и иные вопросы». Почему газеты публиковали подобные тексты, зачастую комичные? Как язык этих посланий («любовь всей Руси») конструировал предписываемые эмоции? Автор доказывает, что резолюции, даже написанные малыми группами, отражали риторику активистов, связывавших свой статус с культом вождя. Их шаблонные формулы не столько выражали мнение коллективов, сколько формировали образец «правильного» отношения к власти, стимулируя цепную реакцию подражания.

Заключительная часть введения формулирует шесть исследовательских вопросов, структурирующих анализ.

Первый вопрос обращен к инструментарии формирования авторитета. Колоницкий исследует конкретные средства создания устойчивой структуры подчинения. Речь идет о риторических приемах, визуальной символике, церемониальных практиках — всем том, что превращало Керенского из «временного» министра в сакральную фигуру.

Второй вопрос фокусируется на материализации авторитета. Культ вождя не существует в вакууме — он воплощается в конкретных формах: текстах приветствий, иконографических образах, ритуальных жестах. Колоницкий демонстрирует, как эти формы, заимствуя элементы монархической традиции и «символов подполья», создавали гибридный язык революционной сакральности.

Третий вопрос раскрывает операциональную логику культа. Тактики легитимации — это не статичный набор, а динамические процедуры, адаптирующиеся к меняющемуся контексту. Например, технология «близости к народу» весной 1917 г. к июню сменяется акцентом на «дистанции власти». Автор прослеживает, как эффективность этих тактик измерялась их способностью отвечать сиюминутным ожиданиям разных групп.

Четвертый вопрос предполагает хронологическую деконструкцию. Процесс производства авторитета делится на фазы: первоначальное мифотворчество (март), институционализация образа (апрель-май), крещендо культа и первые признаки кризиса (июнь). Каждая стадия характеризуется сменой доминирующих нарративов. Эти трансформации отражают не эволюцию взглядов Керенского, а изменение баланса сил в политическом поле.

Пятый вопрос помещает культ в контекст политической борьбы. Сама арена взаимодействия масс, элит и институтов

влияет на легитимационный процесс. Колоницкий показывает, как Временное правительство, Петросовет, армейские комитеты и Советы по-разному использовали образ Керенского, превращая его в «символический капитал» для достижения собственных целей. В этом противоречивом пространстве авторитет вождя оказывался одновременно продуктом и инструментом конфликта.

Шестой вопрос выводит анализ на уровень субъектов. Исследователь идентифицирует акторов, формировавших культ: не только самого политика, его ближайшее окружение, но и низовые организации, прессу, иностранцев. Особое внимание уделяется роли «рядовых творцов мифа» — солдат, отправлявших восторженные телеграммы, художников, тиражировавших портреты, актеров, разыгрывавших аллегорические сценки. Именно их практики, часто спонтанные, создавали ту «семантическую общность», которая позволяет говорить о культе как системе.

В целом перед нами вопросы к разным частям механизма. Политический процесс — это пространство борьбы и компромиссов, где массы, элиты и институты конкурируют за ресурсы и влияние. Он выступает средой, где легитимация либо укореняется, либо отвергается. Успешная легитимация в рамках политического процесса превращает доминирование в авторитет — устойчивую структуру подчинения. Революция 1917 г. оказывается зеркалом, отражающим извечный парадокс: общество, жаждущее «спасителя», не готово принять последствия своей веры. В этом — глубина работы Колоницкого, превращающей исторический анализ в размышление о природе революции как коллективной иллюзии.

* * *

В первой главе «Революционная биография и политический авторитет» анализируется стратегия формирования публичного образа А. Ф. Керенского сразу после Февральской революции. Автор подчеркивает, что Керенский, заняв пост министра юстиции, целенаправленно создавал аппарат пропаганды — от организации издания агитационных брошюр до специализированных ведомственных структур. Эти действия, продолженные им и на посту военного министра, заложили основу его культа. Уже в марте 1917 г. Центральный комитет Трудовой группы опубликовал биографический очерк, представлявший Керенского как

«народного трибуна». В то время ни один из политиков послефевральской России не мог сравниться с Керенским по количеству подобных изданий.

Его довоенная репутация юриста-оппозиционера, защищавшего в суде большевиков и возглавлявшего общественную комиссию по расследованию Ленского расстрела, сочеталась с двойственной позицией в годы Первой мировой: критикуя правительство, он поддерживал оборончество. Этот противоречивый образ, усиленный ораторским талантом, сделал его символом «законной революционности», что обеспечило переход от статуса почти маргинального оппозиционного депутата к роли претендующего на лидерство общенационального политика.

Дискуссии о Керенском отражали борьбу за перекодировку политической культуры: риторика дореволюционного подполья становилась основой для новых дискурсов власти. Даже противники Керенского, отрицая его право на лидерство, разделяли представление о норме описания вождя как бескомпромиссного борца, жертвующего собой ради свободы. Культ погибших революционеров создавал общую символическую матрицу, в которую вписывался и образ живого лидера.

Канон жизнеописания «вождя», закрепленный в 1917 г., предполагал мифологизацию биографии, поднимая ее до уровня «политической агиографии»¹². Этот канон предполагал акцент на жертвенности, противостоянии старому режиму и народной любви. По словам Колоницкого, «тексты, символы, церемонии и ритуалы, созданные в это время на основе революционной традиции для решения актуальных политических задач, оказались применимы и в последующие годы». Революция 1917 г., пытаясь разорвать связь с прошлым, невольно воспроизвела его архетипы.

Вторая и третья главы («Революционный министр» и «Вождь революционной армии») построены однотипно: перед нами имагография («пестрая коллекция образов») «звезды» Февраля. Во второй главе, анализируя март — апрель 1917 г., автор раскрывает методы конструирования культа Керенского через призму его публичных действий и коммуникативных стратегий. Исследование фокусируется на том, как формировался образ «сильного че-

12 Об этом понятии см.: Журавлев В. В. «Политическая агиография» в Гражданской войне: структура биографических текстов в системе вождистского культа А. В. Колчака // Гуманитарные науки в Сибири. 2015. Т. 22. № 4. С. 64–70.

ловека», способного балансировать между либералами и социалистами в условиях двоевластия. Методологически это выражается в анализе риторики, символических жестов и медийных манипуляций, которые Керенский использовал для присвоения роли «великого примирителя».

Особым инструментом укрепления авторитета стала жесткая моральная риторика. Речь о «взбунтовавшихся рабах», обличавшая анархию, работала на два фронта: с одной стороны, она позиционировала Керенского как хранителя порядка, противостоящего хаосу; с другой — создавала образ «воспитателя нации», задающего нормы гражданственности. Эта формула, по меткому замечанию Л. Д. Троцкого, превращала Керенского в «математическую точку русского бонапартизма» — символ дисциплины, вокруг которого в условиях Апрельского кризиса концентрировались надежды на стабильность. Однако такая стратегия несла и риски: резкая критика «распущенности масс» отталкивала многих из среды даже достаточно умеренных социалистов, для которых Керенский оказывался лишь временным и условным союзником. Парадоксальным образом именно успех этой риторики ускорил эрозию его авторитета: создав образ «железного политика», он лишился гибкости, а его компромиссы стали восприниматься как слабость.

Автор наглядно показывает, как культ вождя формировался через взаимодействие личной активности и коллективных ожиданий. Керенский, мастерски используя прессу, превращал каждое выступление в медийное событие. Его поездки на фронт, сопровождавшиеся театрализованными церемониями, транслировали образ «народного министра», близкого к солдатской массе. Одновременно велись непубличные, но известные в правых и либеральных кругах закулисные переговоры с генералами, требовавшими подавления анархии. Этот дуализм — публичная харизма и закулисный прагматизм — стал основой его власти. Керенский изолировал оппонентов, манипулируя союзниками: угрозы и обещания, адресованные либералам и социалистам, создавали иллюзию высокой степени контроля над политическим процессом.

Однако укрепление культа имело обратную сторону. Образ «вождя-спасителя», как отмечается в работе, требовал постоянного подтверждения через новые победы. Коалиционное правительство, сформированное в мае 1917 г., сделало Керенского

заложником собственного имиджа: любое поражение (провал наступления на фронте, рост недовольства в тылу) разрушало миф о его всемогуществе. Интересы групп, поддерживавших его как «сильную руку», вступали в противоречие: генералы ждали подавления Советов, социалисты — борьбы с контрреволюцией. Попытка удовлетворить всех привела к потере однородности культа — он перестал быть «общим знаменателем» для разных сил.

Керенский, создавая образ «великого гражданина», борющегося одновременно с «пережитками царизма» и «революционной распущенностью», пытался синтезировать противоречивые ожидания элит и масс. Однако эта попытка, основанная на манипуляции общественным мнением, вскрыла фундаментальную слабость культа: его устойчивость зависела не от личных качеств лидера, а от способности системы генерировать коллективную веру в его непогрешимость. Когда действительность перестала соответствовать мифу, начался распад конструкции, тщательно выстраиваемой весной 1917 г.

В третьей главе рассматривается трансформация образа А. Ф. Керенского после его назначения военным и морским министром 3 мая 1917 г. Этот период стал ключевым для консолидации его власти: сочетая революционную риторику с милитаристской символикой, он стремился укрепить дисциплину в армии и сохранить хрупкую политическую коалицию. Его стратегия «железной дисциплины долга», позиционируемая как компромисс между порядком и свободой, вызвала скепсис как у консерваторов, видевших в ней утопию, так и у умеренных социалистов, опасавшихся реставрации дореволюционных порядков. Однако Керенский, делая ставку на пропаганду и публичные жесты, сумел временно сохранить баланс, используя свой статус «борца за свободу» для легитимации непопулярных решений.

Центральным элементом его политики стало активное медийное присутствие. Поездки на фронт, выступления перед солдатами и делегатами съездов, тщательно освещаемые прессой, создавали образ «министра-гражданина», близкого к народу. Фотографии Керенского, пожимающего руки солдатам, и его новый облик во френче английского образца подчеркивали синтез демократизма и военной строгости. Эта милитаризация имиджа, однако, породила двойственное восприятие: для одних он стал «вождем революционной армии», для других — символом зарождающегося «бонапартизма».

Критика Керенского нарастала параллельно с его усилением. Если рядовые солдаты и матросы обвиняли его в сговоре с «буржуазией», то левые социалисты (большевики, часть эсеров и меньшевиков) видели в милитаризации признак авторитарных амбиций. Даже внутри партии эсеров отношение к нему раскололо ряды, став индикатором идеологических противоречий. При этом либералы и консерваторы, недовольные его преобразованиями в военной сфере, сдерживали выражение оппозиционных настроений, надеясь на успех готовящегося наступления.

Несмотря на растущее сопротивление, Керенский сохранял поддержку значительной части общества. Его риторика, сочетавшая патриотизм с революционным пафосом, воспринималась как адекватная духу времени. Атаки со стороны большевиков неожиданно способствовали сплочению разнородных сторонников министра, укрепляя рыхлую коалицию вокруг его фигуры. Культ «вождя» подпитывался не только пропагандой, но и коллективной верой в необходимость «сильной руки» для спасения страны.

Однако к концу мая стали очевидны пределы этой стратегии. Попытки совместить революционную харизму с военной дисциплиной, а популизм — с управлением кризисами вели к нарастанию противоречий. Образ «героя», воодушевляющего войска, постепенно тускнел на фоне провалов на фронте и роста социальной напряженности. Даже тщательно сконструированная легитимность не могла компенсировать отсутствие реальных достижений, а милитаризация публичной сферы лишь ускорила превращение Керенского из символа надежды в объект всеобщей иронии.

Драматической кульминацией в истории культа Керенского стали события, связанные с июньским наступлением русской армии, его подготовкой и ближайшими последствиями его неудачи. Анализ этого сюжета посвящена четвертая, заключительная глава исследования («Наступление Керенского»). Колоницкий реконструирует данный ключевой момент на материале взаимодействия пропаганды, политических конфликтов и трансформации символических образов.

18 июня 1917 г. войска Юго-Западного фронта перешли в наступление, однако ответные действия германских войск привели к катастрофе. Либералы и консерваторы возложили часть ответственности на Керенского, критикуя связанные с его именем военные преобразования, но при этом изначально они видели в наступлении инструмент оздоровления армии и страны. Автор

подчеркивает парадокс: подготовка наступления, где «революционный экстаз Керенского» стал элементом духовной мобилизации, одновременно способствовала и внешнему укреплению и внутренней эрозии культа вождя. Даже после провала наступления Керенский оставался для своих сторонников «символом революции». Как писали его поклонники: «Для нас Керенский не министр, не народный трибун, он перестал быть даже просто человеческим существом. Керенский — это символ революции». Однако поражение на фронте активизировало его противников, видевших в нем «ложного вождя». В то же время кризис легитимности стимулировал создание новых мифов: образ «вождя-победителя» трансформировался в образ «борца с внутренним врагом», отразившего предательский «удар в спину» армии.

Важным методологическим аспектом становится проследживание процесса синтеза культурных традиций. Колоницкий выделяет слияние двух линий: старорежимной по своим корням риторики «военного вождя» и революционного культа «борцов за свободы», милитаризованного в условиях войны. Даже сравнение Керенского с «солнцем», отсылающее к сакрализации монархов, вписывалось в новый контекст. Этот гибридный образ, усиленный символикой красных флагов и «Рабочей Марсельезой», стал основой для сакрализации министра.

Автор отмечает, что спонтанная «цензура» по инициативе сторонников, отвергавших любое «снижение» образа, свидетельствовала о зрелости культа. Заключительный этап формирования культа связан с Июльским кризисом. Массовые патриотические манифестации, где Керенский выступал центральной фигурой, закрепили его статус «вождя-спасителя». Даже Николай II косвенно признал его роль как объединяющего символа (запись в дневнике 8 июля: «Этот человек положительно на своем месте в нынешнюю минуту»). Однако, как показывает Колоницкий, эта сакрализация оказалась хрупкой: военные поражения и политические противоречия превратили культ в ловушку, где миф о непогрешимости вождя столкнулся с реальностью кризиса. Монография демонстрирует, как риторика, медийные стратегии и исторические традиции формировали культ, который, даже рушась, продолжал влиять на политический язык эпохи.

Завершая свою работу, Колоницкий приходит к следующим выводам. Культ Александра Керенского, сформированный в марте — июне 1917 г., стал продуктом взаимодействия разнородных тра-

диций: революционного подполья, военной риторики и патриотической мобилизации Первой мировой войны. Его образы, последовательно эволюционировавшие от «народного трибуна» и «министра народной правды» до «вождя революционной армии», «героя наступления» и «символа революционной России», отражали попытку синтезировать авторитет «борца за свободу» с харизмой военного лидера. «Культурные формы прославления “вождя народа”, найденные в этот период, впоследствии были взяты на вооружение, переработаны и развиты большевиками», — подчеркивает автор, отмечая преемственность между протосоветским и советским политическими языками.

Ключевым механизмом легитимации стали риторические стратегии, сочетавшие моральный максимализм и прагматизм. Речь об идеологеме «взбунтовавшиеся рабы», которая, по выражению Колоницкого, «позволила использовать тревогу общества для пробуждения новой волны энтузиазма», позиционируя Керенского как «великого гражданина», противостоящего хаосу. Однако успех этой тактики оказался двусмысленным: создав образ «железного политика», Керенский стал заложником ожиданий постоянных побед. «Судьба “революционного министра” зависела от прочности коалиции умеренных социалистов и либералов, — отмечает исследователь, — но их интересы вступали в противоречие, разрушая миф о его всемогуществе».

Колоницкий выделяет ряд основных образов Керенского, выстраивая их, с некоторыми оговорками, в преемственную логическую и даже хронологическую цепь: «народный трибун», «борец за свободу», «великий примиритель», «министр-демократ», «вождь революционной армии», «вождь народа», «герой наступления», «великий гражданин», «вождь-спаситель» и «символ революции». Каждый из них служил инструментом мобилизации: военные использовали их в подготовке наступления, умеренные социалисты — для легитимации коалиции, а деятели культуры — для создания сакрального ореола. Даже противники, критикуя Керенского как «ложного вождя», укрепляли саму идею вождизма: «Сам принцип легитимации через прославление вождя под вопрос не ставился — оспаривалась лишь правота претендента».

В своем пионерном исследовании Колоницкий показывает нам, как революционная риторика заимствовала монархические модели, а военная пропаганда переплеталась с языком подполья. Существенную роль в работе играет понятие «культурно-поли-

тического творчества», объясняющее, как массовые настроения, медийные стратегии и политические конфликты формировали культ. Работа демонстрирует, что революция 1917 г. не отменила, а переосмыслила архетипы власти, заложив основы будущих советских и даже постсоветских мифологий.

* * *

В заключение я хотел бы остановиться на одном важнейшем сюжете. С одной стороны, данная проблематика представлена и проанализирована в книге, с другой — анализ ее выглядит, на мой взгляд, не до конца артикулированным. Речь идет о проблеме политического театра.

Казалось бы, этому вопросу посвящены целых два специальных параграфа, один во второй главе («“Министр революционной театральности” и “поэт революции”») и еще один в третьей («Большой театр и рождение нового человека»), а также десятки упоминаний в других частях книги. Никак нельзя сказать, что автор игнорировал связь культа Керенского и театральности. Рассматривая «театральные» характеристики образа Керенского, автор формулирует ряд важных наблюдений: «Политизация досуга проявлялась и в политизации театра, а это, в свою очередь, накладывало отпечаток на особую театрализацию политики. Синтез художественного творчества и политики был востребован в атмосфере того энтузиазма, который казался всеобщим. При этом ... революция вовлекала в политику массу людей, дотоле аполитичных, что также способствовало повышению интереса к всевозможным праздникам: для неофитов политической жизни праздничная сторона революции представлялась особенно заманчивой и даже наиболее значимой, она соответствовала их эйфорическим ожиданиям. В подобном контексте “театральный стиль” выступлений Керенского не выглядел чем-то необычным или пошлым, а, напротив, был весьма востребован, адекватен сознанию той поры». В другом месте он несколько иначе формулирует эту мысль: «Весной 1917 года театрализация политики не вызывала отторжения, а идея о вожде революции, который олицетворяет собой синтез политики и искусства, привлекала многих». Еще один фрагмент: «“Театральность” политика была адекватна общественным настроениям, царившим после свержения монархии. Эйфорическое

сознание той поры требовало своего постоянного психологического подтверждения, что проявлялось тяготением к зрелищной праздничности. Керенский, посланец революционной столицы, представлял собой новую, революционную власть, приносил эту восторженную атмосферу на фронт и в провинцию, его стремительные поездки по стране превращались в новые “праздники свободы”.

Позволю себе напомнить мысль, которую я высказывал, анализируя книгу Колоницкого о символах революции, в частности параграф, посвященный как раз «праздникам свободы». «“Символическая революция”, приходя из столицы на места “по телеграфу”, и там воспроизводилась как ритуал, как имитация реальности, но не реальность: организованные новыми (а в армии и на флоте — старыми) властями “праздники свободы” должны были придать верхушечным процессам форму *res publica*, “общего дела”. Эти “праздники” (функционально сопоставимые с торжествами монархических коронаций) модулировали идейное содержание последующего политического процесса»¹³. Здесь речь шла о причинах и даже механизмах «театрализации» российского политического процесса, того, как революция вовлекала в политическую жизнь массу еще вчера далеких от нее бывших подданных российского императора. Очевидно, что Керенский играл важнейшую роль в этом политическом спектакле, на что и указывает Колоницкий.

Социально-трансформирующая функция театра традиционно рассматривалась как инструмент педагогического воздействия и формирования коллективной идентичности. Неслучайно К. С. Станиславский определял театр как «школу», где актер на сцене становится носителем поведенческого эталона, воплощением «идеала». Характерно, что именно об этом, но применительно к политической жизни, и шла речь в письме театральным деятелям Керенскому, подписанном, в частности, Станиславским. «В Вашем лице перед нами воплощается идеал свободного гражданина, какого душа человечества лелеет на протяжении веков, а поэты и художники мира передают из поколения в поколение». По мнению Колоницкого, Керенский стал политическим лидером, выполняя роль живого образца для масс, внезапно пробужденных к политической действительности современного типа.

13 Журавлев В. В. Понятие «политическая культура» в современных исследованиях по истории революции и гражданской войны в России // Власть и общество в Сибири в XX веке: сб. науч. ст. Новосибирск, 2015. Вып. 6. С. 24.

Тезис о том, что политизация театра в революционную эпоху сопровождалась театрализацией политики, не случайно находит другую формулу Колоницкого, введенную в научный оборот четверть века назад. Речь идет о взаимосвязи политических и религиозных процессов: «обратной стороной политизации религиозной жизни стала сакрализация политики». Кстати, следствием именно данной формулы являлось и предложенное им изменение оптики исследования революции: «Российскую революцию часто сравнивают с революциями Нового Времени. Но не меньше оснований сравнивать ее с религиозными конфликтами, битвами за веру и крестовыми походами...»¹⁴. Российская революция, вопреки привычным параллелям с буржуазными переворотами XVI–XIX вв., обнаруживает черты религиозной войны. Как в священных войнах, здесь сталкивались не просто политические программы, а системы верований. В частности, язык эпохи («священный долг», «жертва ради свободы») выдает религиозный подтекст конфликта.

Характерно, что многие мыслители начала XX в. связывали с религией, ритуалом и мифом театр, подчеркивая его сакральные истоки. В. И. Иванов видел прообраз театра в древнегреческих дионисийских культах, где зрители и актеры сливались в экстатическом единстве. А. Ф. Лосев утверждал, что античная трагедия — это не имитация, а воспроизведение мифа, где зритель становится участником сакрального события. П. А. Флоренский считал, что театр восходит к древним мистериям, где зритель через символы приобщается к трансцендентному, что актер — медиум.

Антропологические теории ритуала, разработанные А. ван Геннепом¹⁵ и В. Тэрнером¹⁶, предлагают ключ к интерпретации революционных процессов как коллективных переходных обрядов, где театральность выступает инструментом мистерияльного преобразования. Трехфазная модель ван Геннепа (сепарация-лиминальность-инкорпорация) обнаруживает свою эвристическую ценность при анализе политической театральности 1917 г. Тэрнеровское понятие лиминальности как промежуточного состояния, характеризующегося временным упразднением социальных

14 Колоницкий Б. И. Символы власти и борьба за власть: 2-е изд. С. 85–86.

15 Геннеп А., ван. Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов / послесл. Ю. В. Ивановой. М., 1999 (Этнографическая библиотека).

16 Тэрнер В. У. Символ и ритуал. / сост. и авт. предисл. В. А. Бейлис; отв. ред. Е. М. Мелетинский. М., 1983 (Исследования по фольклору и мифологии Востока).

иерархий, позволяет осмыслить феномен Керенского в качестве «мистагога» революции — посредника между народом и новым политическим сакральным.

Его публичные выступления, пропитанные театральными приемами, воспроизводили структуры религиозных практик, перенося сакральные модели в сферу политического. Как показывает приведенный в книге Колоницкого материал, культ Керенского стремился легитимировать власть через «посвящение» масс в революционную реальность, превращая политику в «миссионерство», в квазирелигиозную педагогику.

Колоницкий, не апеллируя напрямую к антропологическим теориям, демонстрирует, что революция 1917 г. воспроизвела архаичные механизмы сакрализации. Риторика «чуда революции», мифологизация лидеров, ритуалы единения — все это повторяло структуры религиозного опыта, но в условиях секулярного кризиса оказалось недостаточным. Керенский остался «лиминальным лидером», чьи спектакли, всё более утрачивавшие действительное содержание, выродились в трагифарс. Парадокс заключался в том, что театральность, призванная скрыть мистериальную природу перехода, обнажила его утопизм: политический спектакль, лишенный сакральной глубины, не смог стать полноценным обрядом инициации.

* * *

Работа Колоницкого, по оценке Дж. Савино, «имеет особенное значение в плане историографической дискуссии о культе личности как социокультурном феномене». Более того, он следующим образом оценил потенциал этого исследования и примененных в нем исследовательских инструментов: «Подход петербургского историка очень ценен и для других исследований о культе вождя в других исторических и культурных контекстах в разных странах»¹⁷. Полностью разделяя эту оценку, я бы добавил к ней следующее.

Исследовательское предприятие Колоницкого представляет собой не просто анализ некоего, пусть и важного, вождистского культа; перед нами новаторский опыт изучения социально-символической системы в условиях лиминального хаоса. Методологическая новизна данного подхода заключается в успешном применении целого комплекса исследовательских операций. Этот

17 Савино Дж. Рец. на: Б. И. Колоницкий, «Товарищ Керенский». С. 299.

подход можно условно назвать «новой имагологией», смещающей фокус с анализа образа «Другого/Чужого» на изучение технологий конструирования революционной идентичности. Отказываясь от классических подходов, делая следующий шаг после работ Ричарда Уортмана, вместо традиционного анализа репрезентации «Другого» автор сосредотачивается на процессе производства коллективного «Мы». Перед нами попытка вскрыть механизмы построения, функционирования, деструкции знаковой системы, обозначаемой словосочетанием «политический культ», а его герой предстает не имитатором монархических шаблонов, а создателем принципиально иного типа легитимности, основанного на эмоциональной связи с массами.

Колоницкий демонстрирует, что политический культ формируется через управление аффектами. Эти эмоции не были спонтанными: они целенаправленно культивировались через ритуалы, визуальные образы и языковые клише.

«Театральность политики» есть важная метафора подхода Колоницкого. Революция интерпретируется как грандиозный спектакль, где зрители, вовлекаясь в митинги и повторяя лозунги, усваивали нормы «революционной игры». Этот подход перекликается с теориями, подчеркивающими роль коллективного соучастия в создании социальной реальности. Автор призывает историков задавать «иные вопросы», смещая фокус с событийной хроники («что произошло?») к анализу репрезентаций («как это было представлено и воспринято?»). Такой ракурс позволяет увидеть в судьбе проекта Керенского не просто некую неудачу, а деструкцию первоначально успешной и целостной системы политических символов, отдельные части которой были присвоены конкурентами и врагами «великого примирителя».

Конечно, возникает целый ряд вопросов. Каково соотношение конструктивизма и спонтанности в процессах становления вождистского культа? С какими еще комплексами идеалов и ценностей культ вождя соседствовал и взаимодействовал? Возможно ли дать формальное описание комплекта образов Керенского, например подобное тому, которое применительно к русским самозванцам XVII–XIX вв. дал К. В. Чистов?¹⁸ В чем структурная специфика других культов эпохи?

18 Чистов К. В. 1) Русские народные социально-утопические легенды. М., 1967; 2) Русская народная утопия (генезис и функции социально-утопических легенд). СПб., 2011.

Но именно возможность задавать эти и другие подобные вопросы и делают работу Колоницкого очень важной: она не только меняет оптику, она открывает новые траектории исследовательского пути. Как это сделано? Блестяще.

ЛИТЕРАТУРА

- Аксенов В. Б. Рец. на: Б. И. Колоницкий. «Товарищ Керенский»: антимонархическая революция и формирование культа «вождя народа» (март — июнь 1917). М., 2017. 520 с. ил. // Российская история. 2018. № 1. С. 195–202.
- Беспалов С., Александри О. Образы российской власти эпохи войн и революций в трудах Б. И. Колоницкого (Сводный реферат) // Революции 1917 года в России: Современная историография: реф. сб. М.: ИНИОН РАН, 2017. (Сер.: История России). С. 119–142.
- Блок М. Короли-чудотворцы: Очерк представлений о сверхъестественном характере королевской власти, распространенных преимущественно во Франции и в Англии. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. 712 с.
- Геннеп А., ван. Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов / послесл. Ю. В. Ивановой. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1999. 198 с. (Этнографическая библиотека).
- Журавлев В. В. «Политическая агиография» в Гражданской войне: структура биографических текстов в системе вождистского культа А. В. Колчака // Гуманитарные науки в Сибири. 2015. Т. 22. № 4. С. 64–70.
- Журавлев В. В. Понятие «политическая культура» в современных исследованиях по истории революции и гражданской войны в России // Власть и общество в Сибири в XX веке: сб. науч. ст. Новосибирск: Параллель, Институт истории СО РАН, 2015. Вып. 6. С. 17–31.
- «Как сделана история» (Обсуждение книги Р. Уортмана «Сценарии власти. Мифы и церемонии российской монархии», Т. 1, М., 2002.) // Новое литературное обозрение. 2002. № 56(4). С. 42–66.
- Колоницкий Б. И. «Товарищ Керенский»: антимонархическая революция и формирование культа «вождя народа» (март — июнь 1917 года). М.: Новое литературное обозрение, 2017. 520 с.
- Колоницкий Б. И. «Товарищ Керенский»: антимонархическая революция и формирование культа «вождя народа» (март — июнь 1917 года). 2-е изд. М.: Новое литературное обозрение, 2021. 520 с. (Historia Rossica).
- Колоницкий Б. И. «Товарищ Керенский»: антимонархическая революция и формирование культа «вождя народа» (март — июнь 1917 года). 3-е изд. М.: Новое литературное обозрение, 2023. 520 с. (Historia Rossica).
- Колоницкий Б. И. «Трагическая эротика»: образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 657 с. (Historia Rossica).
- Колоницкий Б. И. Символы власти и борьба за власть: К изучению политической культуры российской революции 1917 г. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. 350 с.; изд. 2-е — СПб.: Лики России, 2012. 320 с.
- Кром М. М. Историческая антропология. Учебное пособие. 3-е изд., испр. и доп. СПб.; М.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге; Квадрига, 2010. 214 с.

- Меньковский В. И. Символ революции: «образ Керенского» в исследованиях Б. И. Колоницкого // Журнал Белорусского государственного университета. История. 2018. № 3. С. 102–109.
- Савино Дж. Рец. на: Б. И. Колоницкий, «Товарищ Керенский»: Антимонархическая революция и формирование культа «вождя народа» (март — июнь 1917 года). Новое литературное обозрение, М., 2017, 530 с. // Avtobiografija. Journal on Life Writing and the Representation of the Self in Russian Culture. 2017. № 6. P. 295–299.
- Соболев Г. Л. Революционное сознание рабочих и солдат Петрограда в 1917 г. Период двоевластия / отв. ред. С. Н. Валк. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1973. 328 с.
- Тэрнер В. У. Символ и ритуал. / сост. и авт. предисл. В. А. Бейлис; отв. ред. Е. М. Мелетинский. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1983. 278 с. (Исследования по фольклору и мифологии Востока).
- Уортман Р. С. Сценарии власти: мифы и церемонии русской монархии: в 2 т. М.: ОГИ, 2004. Т. 1: От Петра Великого до смерти Николая I. 605 с.; Т. 2: От Александра II до отречения Николая II. 796 с.
- Чистов К. В. Русские народные социально-утопические легенды. М.: Наука, 1967. 342 с.
- Чистов К. В. Русская народная утопия (генезис и функции социально-утопических легенд). СПб.: Дмитрий Буланин, 2011. 528 с.
- Kolonitskii B. Comrade Kerensky: The Revolution against the Monarchy and the Formation of the Cult of "The Leader of the People" (March — June 1917). Cambridge; Medford, MA: Polity Press, 2021. 380 p.
- Hosking G. "Tovarishch Kerenskii": Antimonarkhicheskaia revoliutsiia i formirovanie kul'ta "vozhdia naroda" mart — iun' 1917 goda, by Boris Kolonitskii. Historia Rossica. Moscow, 2017. 511 pp. Illustrations. Notes. Index. // The Slavonic and East European Review. Vol. 96. No. 4 (October 2018). P. 788–789.
- Smith S. A. "Tovarishch Kerenskii": Antimonarkhicheskaia revoliutsiia i formirovanie kul'ta "vozhdia naroda", mart — iun' 1917 goda, by Boris Kolonitskii // Slavic Review. (Spring 2018). Vol. 77. No. 1. P. 205–207.
- Wortman R. S. Scenarios of Power. Myth and Ceremony in Russian Monarchy. Princeton (NJ), Princeton University Press, 1995–2000. Vol. 1: From Peter the Great to the Death of Nicholas I. XVII, 474 pp.; Vol. 2: From Alexander II to the Abdication of Nicholas II. 586 p.

REFERENCES

- Aksenov V. B. Review: B. I. Kolonitskii. "Tovarish Kerenskiy": antimonarkhicheskaia revoliutsiia i formirovanie kul'ta "vozhdia Naroda" (mart — iun' 1917). Moscow, 2017. 520 p. il. // Rossiyskaia istoriia. 2018. № 1. P. 195–202. In Russian.
- Bespalov S., Aleksandri O. Obrazy rossiyskoy vlasti epohi voyn i revoliutsiy v trudah B. I. Kolonitskogo (Svodnyy referat) // Revoliutsii 1917 goda v Rossii: sovremennaya istoriografiia: Abstract book, Moscow, INION RAN, 2017. P. 119–142. In Russian.
- Blok M. Koroli-chudotvortsy: Ocherk predstavleniy o sverh'estestvennom karaktere korolevskoy vlasti, rasprostranennyh preimushchestvenno vo Frantsii i v Anglii. M.: Shkola "lazyki russkoy kul'tury", 1998. 712 p. In Russian.
- Gennep A., van. Obriady perehoda. Sistematicheskoe izuchenie obriadov. M.: Izdatel'skaia firma "Vostochnaia literature" RAN, 1999. 198 p. (Etnograficheskaya biblioteka). In Russian.

- Zhuravlev V. V. "Politicheskaya agiografiya" v Grazhdanskoy voyne: struktura biograficheskikh tekстов v sisteme vozhdistskogo kul'ta A. V. Kolchaka // Gumanitarnye nauki v Sibiri. 2015. Vol. 22. № 4. P. 64–70. In Russian.*
- Zhuravlev V. V. Poniatie "politicheskaya kul'tura" v sovremennykh issledovaniyakh po istorii revoliutsii i grazhdanskoy vojny v Rossii // Vlast' i obshchestvo v Sibiri v XX veke: sb. nauch. st. Novosibirsk: Parallel', Institut istorii SO RAN, 2015. Is. 6. P. 17–31. In Russian.*
- "Kak sdelana istoriya" (Obsuzhdenie knigi R. Uortmana "Scenarii vlasti. Mify i ceremonii rossiyskoy monarii", Vol. 1. M., 2002.) // Novoe literaturnoe obozrenie. 2002. No. 56(4). P. 42–66.*
- Kolonitskii B. I. "Tovarish Kerenskiy": antimonarhicheskaya revoliutsiya i formirovaniye kul'ta "vozhdia Naroda" (mart — iyun' 1917 goda). Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2017. 520 p. (Historia Rossica). In Russian.*
- Kolonitskii B. I. "Tovarish Kerenskiy": antimonarhicheskaya revoliutsiya i formirovaniye kul'ta "vozhdia Naroda" (mart — iyun' 1917 goda). 2nd ed. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2021. 520 p. (Historia Rossica). In Russian.*
- Kolonitskii B. I. "Tovarish Kerenskiy": antimonarhicheskaya revoliutsiya i formirovaniye kul'ta "vozhdia Naroda" (mart — iyun' 1917 goda). 3rd ed. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2023. 520 p. (Historia Rossica). In Russian.*
- Kolonitskii B. I. "Tragicheskaya erotika": obrazy imperatorskoy sem'i v gody Pervoy mirovoy vojny. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2010. 657 p. (Historia Rossica). In Russian.*
- Kolonitskii B. Simvol vlasti i bor'ba za vlast': K izucheniyu politicheskoy kultury possiyskoy revoliutsii 1917 g. SPb.: Dmitriy Bulanin, 2001. 350 p.; izd. 2-e — SPb.: Liki Rossii, 2012. 320 p.*
- Krom M. M. Istoricheskaya antropologiya. Uchebnoye posobie. 3rd ed. Saint Petersburg; Moscow: Saint Petersburg University Press; Kvadriga, 2010. 214 p. In Russian.*
- Men'kovskiy V. I. Simvol revoliutsii: "obraz Kerenskogo" v issledovaniyakh B. I. Kolonitskogo // Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya. 2018. № 3. P. 102–109. In Russian.*
- Savino J. Review: B. I. Kolonitskii, "Tovarish Kerenskiy": Antimonarhicheskaya revoliutsiya i formirovaniye kul'ta "vozhdia Naroda" (mart — iyun' 1917 goda). Novoe literaturnoe obozrenie, M., 2017, 530 s. // Avtobiografiya. Journal on Life Writing and the Representation of the Self in Russian Culture. 2017. № 6. P. 295–299. In Russian.*
- Sobolev G. L. Revoliutsionnoye soznanie rabochih i soldat Petrograda v 1917 g. Period dvoevlastiya. Leningrad: Nauka Leningradskoe otделение, 1973. 328 p. In Russian.*
- Turner V. U. Simvol i ritual / sost. i avt. predisl. V.A. Beylis; otv. red. E.M. Meletinskiy. Moscow: Nauka, Glavnaia redaktsiya vostochnoy literatury, 1983. 278 s. (Issledovaniya po fol'kloru i mifologii Vostoka). In Russian.*
- Uortman R. S. Scenarii vlasti: mify i ceremonii russkoy monarii. Moscow: OGI, 2004. Vol.1: Ot Petra Velikogo do smerti Nikolaia I. 605 p.; Vol.2: Ot Aleksandra II do otrecheniya Nikolaia II. 796 p.*
- Chistov K. V. Russkie narodnye social'no-utopicheskie legendy. Moscow: Nauka, 1967. 342 p. In Russian.*
- Chistov K. V. Russkaya narodnaya utopiya (genezis i funktsii social'no-utopicheskikh legend). Saint Petersburg: Dmitriy Bulanin, 2011. 528 s. In Russian.*
- Kolonitskii B. Comrade Kerensky: The Revolution against the Monarchy and the Formation of the Cult of "The Leader of the People" (March — June 1917). Cambridge; Medford, MA: Polity Press, 2021. 380 p.*

- Hosking G.* "Tovarishch Kerenskii": Antimonarkhicheskaia revoliutsiia i formirovanie kul'ta "vozhdia naroda" mart — iun' 1917 goda, by Boris Kolonitskii. *Historia Rossica*. Moscow, 2017. 511 pp. Illustrations. Notes. Index. // *The Slavonic and East European Review*. Vol. 96. No. 4 (October 2018). P. 788–789.
- Smith S. A.* "Tovarishch Kerenskii": Antimonarkhicheskaia revoliutsiia i formirovanie kul'ta "vozhdia naroda", mart — iun' 1917 goda, by Boris Kolonitskii // *Slavic Review*. (Spring 2018). Vol. 77. No. 1. P. 205–207.
- Wortman R. S.* *Scenarios of Power. Myth and Ceremony in Russian Monarchy*. Princeton (NJ), Princeton University Press, 1995–2000. Vol. 1: From Peter the Great to the Death of Nicholas I. XVII, 474 pp.; Vol. 2: From Alexander II to the Abdication of Nicholas II. 586 p.

Статья поступила в редакцию: 20 марта 2025 г.

Рекомендована к печати: 16 июня 2025 г.

Received: March 20, 2025

Accepted: June 16, 2025